

A romantic couple is shown in a close embrace on a snowy city street at night. The man, with brown hair, wears a dark jacket with a thick fur collar. The woman, with blonde hair, wears a grey coat and a matching fur collar. They are looking into each other's eyes. The background features snow-covered buildings, a red awning, and a Christmas tree decorated with lights and ornaments. Snow is falling gently around them.

КАТЯ ВОДЯНОВА

СИНДРОМ
ВЛАСТНОГО
НЕГОДЯЯ

Катя Водянова

Синдром властного негодяя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70119235

SelfPub; 2023

Аннотация

На Новый год мама подарила мне курс у модного коуча. Звучит круто, а по факту я на месяц привязана к бывшему однокурснику, Денису Дубровскому. Я ненавижу его и считаю негодяем, но что если только так можно изменить свою жизнь? И точно ли ненавижу? Абсолютно несерьезный новогодний роман)

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	53
Глава 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Катя Водянова

Синдром властного негодяя

Глава 1

– Вы в плену «Синдрома властного негодяя»: видите симптомы, по-своему их толкуете и сходу ставите диагноз.

Доктор Всё испытующе смотрел на меня через стекла бу-тафорских очков. Толстенных таких, в пятнистой роговой оправе. Без которых Доктор больше походил на модель для рекламы фитнес-центров, чем на серьезного психолога и коуча по совместительству.

Его кабинет, весь в дереве, зелени и с панорамным аквариумом подходил для серьезного коуча, дорогуший темный костюм подходил, блокнот в кожаной обложке и очки подходили тоже, но никак не сам мужчина. Он был инородным элементом, вырванным из женского клуба, из онлайн-курсов «идеальные бедра за двадцать дней», из фильма про спасателей на пляже, из... В общем, из любого другого места, где от человека требуются красивое лицо и тело, а не всякие там дипломы, знания и высокий интеллект.

Собственно, я бы и не пришла на прием к Доктору, это все происки мамы и отчима, которые подарили мне сертификат «На полное и всеобъемлющее счастье». Зачем? Только зря

потратили деньги. Не верю, что этот Мистер Бицепс способен кому-то помочь.

– Вот! Вот! Во-о-от! – он ткнул в меня пальцем. – Знаю это лицо: «Чему, кроме подтянутых ягодиц, может научить такой качок?». Фира, пора слезать с иглы стереотипного мышления.

– Я и не...

– А все блондинки дуры, – не дал он мне оправдаться.

– Не хот...

– Хуже бабы за рулём – только баба за рулём такси.

А вот это удар в печень. Моей лицензии уже три года, ни одной аварии за это время и множество довольных пассажиров. Некоторые соглашались ехать только со мной, особенно иностранцы, регулярно посещающие наш город. «Первый русский тэксист, после поездки с который я не хотеть делать это ваше «креститься» – говорит Вильям.

И никакая я не баба! Девушка во цвете лет, двадцать четыре всего. Да мне на днях бутылку вина не продали без паспорта, весь таксопарк смеялся! Так и говорили: «Фира, ты слишком мала, чтобы пить вино. Вozить выпивших – твоя карма!». Как, как после таких обвинений признаться, что я не хотела обижать Доктора?

– А машины блондинкам только любовники дарят, марка в соответствии со старанием и умениями! – он отложил очки и в открытую потешался надо мной.

– Я сама...

Да, сама купила машину, пускай и довольно среднюю. Зато кредит уже выплатила, только в прошлом месяце, кстати говоря.

– А ваша – ведро, так что не огонь вы Фира, не огонь!

– Ну хватит! – я уже собралась сбежать из кабинета, но Доктор успел перехватить. Навис сверху, взял за руку и вгляделся в глаза.

– Значит, вам можно навешивать на окружающих ярлыки, а им – нет? Я, между прочим, год прожил на Тибете, общаясь с далай-ламой, зимовал с отшельником в ските, где-то на просторах Карелии. Старик гнал меня топором, до самого Юшкозера, но он не со зла, поклонницы мои одолели. До аскезы ли, когда рядом со скитом разбит лагерь из семнадцати палаток, в каждой из которых по две-три цветущие девы? После же работал кассиром в «Яблочке» и водителем маршрутки, познал людей, их нравы, комплексы, тайные желания и установки, и понял: я, именно я создан для того, чтобы давать людям счастье. Полное и всеобъемлющее, потому и взял творческий псевдоним «Доктор Всё».

– Выдумали вы всё, поэтому и взяли такой псевдоним! – я отпихнула его и тут же попятилась к выходу из кабинета. – Простите. Про далай-ламу и отшельника – очень неправдоподобно.

– Ладно-ладно, не до какого Юшкозера он меня не гнал, замахнулся один раз топором, и удалился, махнув рукой, – Доктор довел меня до кожаного дивана, усадил на него и под-

пихнул ближе стакан с водой.

Высокий такой, широкоплечий, невероятно красивый мужчина и с лучезарной улыбкой. Если бы не видела Доктора так близко, никогда бы не поверила, что человек может вот так выглядеть в обычной жизни, без тонн грима, правильного освещения, ракурса и фотошопа.

Надо бы собрать волю в кулак и однозначно сказать: «Спасибо, но в ваших услугах я не нуждаюсь», а после развернуться и выйти. Но сделать это сейчас значило обидеть Доктора, точнее: ещё сильнее обидеть. Ничего, подожду ещё пару минут, – сколько у него в самом деле тех историй про скит? – и сбегу.

– Классный старикан был этот старец Иоанн, – Доктор запустил руку в волосы и чуть откинулся назад. – Бывший учитель физики, только благодаря ему и знаю, откуда электричество в розетке берется. Намного, намного интереснее дай-ламы, тот ни слова по-английски не знал, пойдя пойми, что там бормочет. Но! Разве язык помеха вселенской мудрости? И теперь я точно знаю, что нужно делать для вашего спасения. Припомните самого-самого отвратительного мужчину в вашей жизни?

– Физрук в школе? – Доктор покачал головой, отрицая этот вариант.

– Тогда Денис Дубровский, – со вздохом призналась я.

... В аудитории смеялись все. Даже очкарики-отличники, присосишие к первому ряду стульев. Где-то на галерке слы-

шался специфический, раскатистый смех Ирки, но добило деликатное, неловко прикрытое кашлем похихикивание нашего преподавателя.

Я стояла возле кафедры и не знала, куда деться. Ганин же от смеха перешёл к похрюкиванию, постоянно вытирал слезы. Наигранно, ненатурально, но от того не менее обидно. Конечно, всегда приятно, когда шутка выходит удачной.

И только Дубровский стоял и таращился, сжимаемая в руках мое платье ...

– И что сделал этот негодяй? – Доктор участливо заглянул мне в глаза.

– Сорвал с меня платье на глазах у толпы одноклассников.

– И властно овладел прямо на кафедре? Преподаватель увиделся, обиделся на вас и завалил на зачёте?

Я замотала головой. Вряд ли Ден в принципе хотел кем-то властно овладеть, и зачем? Аристократичный, обеспеченный красавчик, такому мало кто откажет. По нему сох весь наш поток и несколько женщин-преподавателей.

– Раздел и не овладел – точно негодяй! Так и запишем.

Больше похожий на актёра Доктор начеркал что-то в блокноте и задумчиво уставился на меня, очерчивая пальцем губы.

– Ничего страшного, – я неотрывно следила за его движениями. Очень, очень жаль, что Доктор не работает в стриптизе, не отказалась бы от посещения его выступлений. И творческий псевдоним «Доктор Всё» танцору подошёл бы

больше, чем коучу. – На мне была маечка и колготки плотностью в семьсот ден.

– Семьсо-о-от? – его брови поползли вверх так, будто я назвала свой вес, а не плотность колготок. – И где вы только сподобились найти такое чудо? Впрочем нет, не говорите, это тайное знание должно распространяться только шепотом, на ухо подругам из клуба «Сбереги девственность до семидесяти».

– Я не... – не люблю распространяться о личной жизни, но сейчас донести до Доктора информацию о моей востребованности казалось крайне важным.

– Нет, ничего не говорите, мне нужно время все обдумать!

Он минут пять тер виски и многозначительно молчал. Никогда бы не узнала это чудо мимики, не будь оно настолько киношным. После Доктор забросал меня вопросами, заставил заполнить анкету и пройти тест: «Какой вы сказочный персонаж?», постоять на одной ноге в какой-то позе из йоги и поискать в интернете Дена. Странно, но Дубровский избегал сетевой публичности, единственная его страница выглядела заброшенной, а на снимке Ден стоял к объективу вполоборота, закрыв лицо солнцезащитными очками.

– Основа моей методики, – наконец заговорил Доктор Всё, – дойти до крайней точки, до момента, которого вы боитесь больше всего. А вы, Глафира Сорокина, больше всего боитесь оказаться во власти негодяя, а конкретно – Дениса Дубровского. Поэтому я предлагаю вам добровольно стать

его рабыней на месяц.

– Ну знаете!

Я вскочила, подхватила сумку и крикнула уже от двери:

– И я себя не на стенде «Все по тридцать» нашла, чтобы сдаваться в рабство! Женщина в двадцать первом веке может позволить себе работать в такси и не лечиться рабством! Ещё бы массовое изнасилование предложили или битьё камнями!

Почувствовав себе Кларой Цеткин, как минимум, я гордо вздернула нос и развернулась к Доктору спиной.

– Фира, когда вы поймёте, что жизнь – полное дно, а без решительных перемен по нему стучат все активнее, тогда вернётесь, и я буду ждать. Это для вашего же блага!

***

– Все же ради тебя, Фира! – сестра неслась по торговому центру и тащила меня вперёд, как на буксире. – Ну когда ты сама ещё слетаешь отдохнуть? А мы с Игоряшей купим тебе билет и оплатим проживание. Пять звёзд, все включено.

– Я поработать хотела, – слабый аргумент для Нади, но очень весомый для меня.

Для таксиста новогодние праздники – самая горячая пора, можно неплохо пополнить бюджет, если есть желание. Тем более многие конкуренты разъезжаются на отдых, а у меня нет мужа или детей, с которыми нужно ходить по гостям и на утренники. Я могу только возить других на эти маленькие праздники.

Но Надя же как танк: если вбила себе в голову, что сестра должна ехать с ними на отдых, то переубедить не получится. Она же в самом деле желает мне добра: не так и плохо слетать на море вместе с племянками.

– Ну нельзя же постоянно работать, Фир! Развеешься, познакомишься с кем-нибудь... Давай, соглашайся, все ради тебя! Игоряша не хотел тратиться на лишний билет, а я настояла! Слетаем впятером, с тебя всего-то немного денег на личные расходы и одежда. Ну и пару часиков в день пригладеть за мелкими, пустяки же!

В ее огромных голубых глазах светилось столько искренней мольбы и так трогательно дрожали мелкие слезинки, что лёгкие уже выталкивали воздух, чтобы озвучить «да». Хотя никуда лететь мне не хотелось. Люблю племяншек, но не двадцать четыре часа в сутки. Эта банда способна и святого довести. Как и Игоряша.

Зять постоянно смотрит на меня, как на бедную родственницу, которую принимает дома из милости. Десять дней с ним в одном отеле не то, что хочется пережить в отпуске. Лучше уж Дубровскому сдать в рабство на месяц, чем это. Пожалуй, с такого ракурса методика Доктора уже не выглядит настолько глупой. «Не смогла полететь, потому что проходила терапию» – отличная же отговорка!

– Не...

– Даже не буду слушать твои глупости, – Надя застыла напротив витрины, сулившей соблазнительные скидки на кош-

марных кукол. Наверняка сейчас сестра потащит меня в «магазин зла». Вот честное слово, лучше зимнюю резину купить, чем набор этих кукол. И дешевле. Но кому же интересно мое мнение?

— Сама не понимаешь своего счастья, — давила сестра. — Ну что киснуть в одиночестве, а так проведешь время с семьёй!

С её семьёй, стоило бы уточнить. С которой я и так живу, точнее — они со мной, но это долгая история. И в Новый год всем хочется чуда, мое же будет заключаться в одиночестве. Ей богу, встретить праздник сидя в машине с бутылкой детского шампанского и чокнуться с кивающей собачкой — не худший вариант. Она, по крайней мере, не хмурит брови, когда я тянусь к тарелке или прошу племяшек не кричать на ухо.

После покупки кукол Надя пыталась затащить меня и в другой магазин, с платьями, но от избытка шума, розового, блестящего и единорогов уже кружилась голова и я позорно сбежала, прикрывшись неотложным вызовом на работу. На подземной парковке выдохнула, щёлкнула брелоком от сигнализации и со вздохом плюхнулась в салон, там легонько стукнула по носу кивающую корги и завела мотор.

Я ещё никому не говорила, но уже приготовила себе подарок к празднику: договорилась о покупке щенка, мальчика. Тот только-только родился и ещё не открыл глаза, но я уже почти влюбилась в эту рыжую мордашку. Конечно, Надя с мужем будут против, но, в конце концов, они могут съехать

к себе. Так и скажу им. Вот.

Чтобы не сидеть без дела, я включила приложение и почти сразу поймала заказ. Перед праздниками все суетились и куда-то спешили, почти у каждого в руках был то пакет, то чехол с костюмом для утренника. Один мужчина влез даже с небольшой ёлкой, не предупредив об этом, набросал иголок на заднее сидение, зато оставил неплохие чаевые.

Последнего пассажира я взяла ближе к девяти вечера, чтобы вернуться домой, когда все начинают готовиться ко сну. На практике именно в это время меньше всего риск нарваться на недовольство зятя. А работать дальше уже рискованно: чем позднее едешь, тем больше риск нарваться на подвыпившую компанию, а они всегда приносят проблемы.

... Последний. Все, хватит, этот точно будет последним. Шея уже ныла, и внимание начинало рассеиваться, а мне ещё нужно подготовиться к завтрашним парам. Приложение мигнуло адресом, совсем недалеко, и я поспешила перехватить заказ.

Вместо одного пассажира в салон сели сразу четверо: две девушки и два парня, трое из которых – мои одноклассники. А рядом, заполонив салон запахом туалетной воды и геля для душа – сам Денис «Я выше всего этого» Дубровский. Он узнал меня сразу, слишком долго смотрел в первую минуту, но не стал здороваться или подначивать, назвал адрес и отвернулся, так и не пристегнув ремень безопасности. Троица сзади постоянно смеялась, особенно старалась Ирка, ее

лошадиные погыгикивания били по правому виску не слабее мигрени. Шатохина сама себя считала девушкой Дубровско-го и пыталась убедить в этом его и окружающих.

Однoгруппники обсуждали сeгoдняшний дeнь, преподавателей и Сороку, то есть меня. Во что одeта, как покупаю в столовой суп без хлеба и второго, как заснула вчeра на паре или пришла в дырявых колготках. Последнее, кстaти, вышло случайно: я просто упала на обледенeлых ступeнях универа.

В конце поездки Дeн пихнул мне крупную купюру, почти силком вытащил из салона Ирку и вторую девушку, кажется, с младшего курса, а затем увел их и Никольского подальше.

К следующему дню я разменяла деньги, отложила то, что полагалось за поездку, остальное попыталась на перемене, пока никто не видит, всучить Дeну. Он изогнул брови, затем резко шагнул вперёд, прижал меня к стене и вернул все.

– Ещe раз так сделаешь – снова платье порву.

У меня от страха коленки задрожали, а деньги камнем оттянули карман. Но перечить Дубровскому – себе дороже.

– Н-не надо, – только и смогла пробормотать.

Тогда Дeн отступил и снова как будто прекратил меня замечать, ровно до того раза, когда я съела его контрольную.

Вот и сeгодня с последним заказом не очень повезло.

Мужчина в темном пальто и странной шапке распространял такой стойкий и неприятно резкий запах парфюма, что я чихнула. Пассажир всю поездку разговаривал по телефону, флиртуя с кем-то настолько неловко и пошло, что даже мне стало за него стыдно. Надо очень страдать от одиночества, чтобы искренне и с радостью принимать такое. И внешне-стью Ромео тоже не вышел: чуть старше моего отчима, с солидным животом, от которого пуховик почти трещал, и сальной улыбочкой. Последнее раздражало сильнее всего. Особенно когда разговор закончился, а пассажир переключился на меня, засыпав вопросами.

А как зовут красавицу? Как ее муж отпустил работать в такси? Во сколько она заканчивает? Какие планы на вечер? Я неопределенно угукала, пожимала плечами и в целом делала вид, что блондинки, однозадачные существа, не приспособленные болтать и управлять автомобилем. Пассажиру это не нравилось, кажется, в его планах на вечер внезапно и без всякого согласования со второй стороной появилось жаркое интимное действо с таксисткой. Хотя на работу я всегда старалась одеться как можно неприметнее, убрать волосы под берет и не делать макияж. Но некоторых и такое заводило: не стюардесса, конечно, но тоже экстрим и экзотика. Как правило, дальше пошловатых шуточек и предложений вместе провести ночь дело не шло, но на всякий случай у меня под сиденьем лежал шокер. Для общей уверенности скорее, чем для реальной обороны.

– А если я не стану платить, пока не получу номер телефона? – он наклонился еще чуть ближе, чтобы меня совсем снесло одеколоном «Антисекс», хотя, если приняться, это скорее был «Антимоль» или «Таракановнет». Я понимаю, что мужа надо держать в строгости и не давать тому слишком хорошую туалетную воду, но и самой же нюхать придется! А этому ловеласу запах точно не помеха. Возможно, жена просто пыталась его отравить?

– Так что, красавица? – продолжал он.

– А ничего, – я пожала плечами. – Что я могу сделать здоровому мужчине? Да и очень надо лечь в больницу из-за пары сотен. Не обеднею.

И уж тем более не стану давать номер такому человеку. Но одеколон «Секс-и-моль» слишком затуманил его мозг, поэтому мужчина фыркнул и откинулся назад.

– Ишь какая гордая! Ну и сиди без денег.

Я затормозила у панельной многоэтажки, обозначенной как цель поездки и нейтральным тоном назвала сумму за поездку. Пассажир хмыкнул ещё раз и выскочил наружу, нарочито громко хлопнув дверью. Там прошел по небольшой расчищенной тропинке, обнял полную женщину в длинной шубе, картинно поцеловал руку второй даме, чуть постарше и теперь рассказывал им что-то.

Бежать вслед и скандалить – не по мне, и засмеют ведь. Только и остается, что сидеть и смотреть. Можно ещё постучать пальцами по рулю. Потом завести мотор, включить пе-

редачу и ехать домой, радуясь тому, что меня всего-то обманули, а не попытались изнасиловать, не ударили по голове и не пырнули ножом, как это иногда случалось с коллегами. Надо во всем искать позитив, скоро же Новый год, йеху-у-у!

Мужчина и женщины смеялись, болтали, обсуждали что-то. Я же моментом расстегнула короткий пуховик, быстро запустила руки под свитер и стащила бюстгальтер. Даже лямки внезапно быстро отстегнулись, а после пристегнулась обратно. Схватив черные кружева, я выскочила из машины и понеслась к говорившим.

– Мужчина, мужчина, погодите! Ваша спутница забыла, а мне чужого не надо! – и впихнула ему в руки бюстгальтер.

У женщин глаза полезли на лоб, а бедолага попытался откреститься от моего «подарка».

– Что ты творишь? Не было никаких попутчиц!

– Ничего не знаю, – я подняла руки и отступила назад, – только возвращаю потерянное, чтобы вы на меня жалобу не написали.

Он попытался ещё возразить, но тут получил пакетами с двух сторон и шквал обвинений в том, какой козлийный кобель достался им в мужезятя. Я же быстро отбежала, села в машину и поехала домой. Пьянящий кураж от безоговорочной победы выветрился, вместо него осталось одно разочарование в себе. Молодец, ничего не скажешь! Мало того, что отвезла мужчину бесплатно, теперь ещё должна сервису и считай выкинула почти новый лифчик. Фирменный, между

прочим, удачной расцветки, чтобы и на свидание, и на каждый день, как говорили консультанты. Если бы у меня был такой три года назад, возможно, все бы и сложилось иначе.

Глава 2

...Тогда мы всей, ну ладно, почти всей группой, собрались в кафе. Отмечали приближающийся Новый год. Меня затащила Анька, почти за руку, как ребенка. Она же внесла деньги за нас обеих, отмахнувшись от моих клятвенных заверений вернуть все после праздников.

Платье я взяла у Нади и почти весь вечер боялась за него, старалась не подходить к танцполу и не тянуться за едой. Анька только хмурила брови и сама накладывала мне закуски и нарезку.

Все наши веселились, танцевали, участвовали в дурацких конкурсах, из-за стола не выходили только мы с Деном. Он тоже почти не ел и не пил, списывался с кем-то по смартфону и изредка смотрел на меня. Тогда его серые глаза темнели, приобретали какое-то странное выражение и сосредоточенность. Один раз, когда играла медленная музыка, он подошёл и пригласил на танец. Я же вначале огляделась по сторонам, не прячется ли за моей спиной другая, подходящая Дубровскому девушка, проверила на ее наличие и пространство под столом, соседние стулья и потолок. После отрицательно замотала головой и вжалась в спинку. Не дамся живой, пусть так и знает! Платье у меня одно, и остаться без него посреди танцпола – никакого желания.

Затем я ненадолго отлучилась в туалет, а когда вернулась

и села, почувствовала, как бедра и попу пропитывает холодная жидкость. Улыбающаяся Ирка помахала мне пустой бутылкой от лимонада и пошла дальше висеть на руке Дубровского.

Это было низко! Мягкая темная седушка хорошо впитала жидкость, теперь также хорошо отдавала ее моему платью. Светло-бежевому и тонкому, на таком любое пятно будет с другого конца зала заметно. И что теперь делать? Анька убежала куда-то, более или менее адекватная Наташа, наша староста, вовсю отплясывала в самом центре, а больше никому я бы в произошедшем не призналась.

Дубровский сверлил взглядом, затем тоже куда-то ушел. А у меня на глаза навернулись слезы: мало того, что Надя убьет за платье, так ещё и встать не получится до того момента, пока все не разойдутся.

Ден вернулся быстро, зажимая в руках свое пальто и мой короткий пуховик. По пути перебросился парой слов с официантом, пихнул тому купюру и подошёл к столу. Накинул мне на плечи пальто и рывком поднял на ноги, а после вывел из ресторана, усадил в свою машину и включил печку. Все это молча. Только в салоне подул на пальцы и спросил:

– Куда подбросить?

– Э-э-э, – домой нельзя, там Надя сразу убьет за платье, мама с отчимом живут за городом, но туда минут сорок ехать. А Ден, наверное, устал.

– Ясно, – бросил он и тронулся с места.

Не знаю, что ему там было ясно, но спорить с Дубровским, сидя в его машине и кутаясь в его пальто – неправильно. Точнее, было бы неправильно, имей я в принципе силы спорить с Деном.

Он же уверенно вел, без лишней наглости, но и не робея на дороге, увозя нас куда-то за город, точно не к своей квартире в центре. В голове сразу выстроились картинки, как мы останавливаемся в лесу, Ден вытаскивает меня наружу и... Честно, не знаю. Для любого «и» он легко мог найти себе более подходящую девушку. А на маньяка Ден не походил, скорее – на полностью замороженного Кая из сказки про Снежную Королеву.

– Отчим работает в прокуратуре, – я пискнула, избегая даже смотреть на Дубровского. – Будут искать.

– Так позвони, – без пояснений и замешательства он протянул мне смартфон и разблокировал экран.

– А он спросит, где я, с кем, куда собираюсь, когда вернусь.

– Расскажи.

В этом весь Денис. «Расскажи». А о чем? За стеклом виднелись только дорожные знаки и сосновый лес с двух сторон. Конечно, я представляла, куда мы едем, в этой стороне располагался элитный коттеджный поселок, вроде бы там жил отец Дена, но сомнения, сомнения оставались.

Зачем бы нашему принцу и красавчику везти меня туда? Показать свою тайную комнату для игр? У такого странного,

отрепленного парня должны быть секреты в шкафу. А миллионеры с тайными комнатами питают слабость к серым мышкам, вроде меня. Не знаю почему, но книги врать не будут! Возможно, комплексы. Возможно, страх получить ногой в пах от более ярких и активных людей. Хотя, скорее всего, Дубровский просто решил не заморачиваться и привезти меня к себе, чтобы не петлять по городу.

В общем, пока мы доехали до ворот поселка, я успела мысленно побывать в тайной комнате, выучить вместе с Дубровским сопромат и вымыть окна во всем огромном доме. Нет, поселке. Но на этом фантазия иссякла.

Тем временем мы проехали через пост охраны и добрались до самого особняка. Вполне уютного деревянного двухэтажного дома, без колоннады на входе или светильников, сделанных в виде рыцарских доспехов. Фасад подсвечивался только уличными фонарями, будто внутри в самом деле никого не было.

– Отец и мачеха улетели на Бора-Бора и отпустили прислугу на каникулы, я обещал приглядеть за домом, – только и бросил Ден, помогая мне выбраться из машины.

Гараж оказался огромным, сразу на пять машин и один мотоцикл, стоявший в самом углу. С языка рвалось признание, что я еще и неплохой автомеханик, отлично готовлю борщ и в целом многогранная и интересная личность, пригодная не только для тайных комнат. Но Ден тащил и тащил, не слишком беспокоясь за свое пальто, да и мой пуховик

остался на заднем сидении.

– Переночуем, а завтра довезу тебя до универа.

– Лучше до въезда в город.

Не хватало еще приехать на пары вместе с Дубровским, я и так номер один в рейтинге самых странных людей потока, а мы с нашим принцем еще и уехали вместе. Но после того, как он спас меня от позора, я согласна была даже на тайную комнату. И окна. Ден же изогнул брови после моих слов. Конечно, кто бы не хотел стать девушкой его величества хотя бы на день? Кто? Сорока бы не хотела, вот.

Мы вошли в дом прямо из гаража, немного побродили по коридорам, пока не наши просторную комнату, похожую на гостиную. Там Ден щелкнул выключателем и отобрал у меня пальто, развернул, любуясь на пятно и хмыкнул. Я же машинально закрылась руками и отпрянула от него:

– Только не рви! Это Надино дорогое фирменное платье, она его покупала себе на корпоратив, но, думаю, теперь наденет на мои похороны.

– Платье – дерьмо.

И сразу же отвернулся к бару, налил нам чего-то коричневого и приятно пахнущего в бокалы, на самое доньшко, из одного отпил сам, второй пихнул мне в руки.

– И велико тебе на два размера. Сними и выбрось, Сорока. Сестра переживет.

Я отпила совсем немного, тут же закашлялась и почувствовала, как начинается «вести» от алкоголя. Не пью же со-

всем, ни капли, зачем согласилась?

Ден попытался усадить меня в кресло, но запачкать еще и его – верх позора. Поэтому через секунду, ожидаемо, платье сползло к моим ногам, а на голову и плечи упал свитер Дена. Он стянул его вниз и расправил на мне, потом все же усадил в кресло. Хотя лучше бы тайная комната или окна. Вспомнив, что на мне сегодня за белье, я еще сильнее захотела провалиться сквозь землю.

– Слишком заморачиваешься, нельзя так. Это просто тряпка и просто трусы. Давай, за Новый год!

И поднес бокал к моему, чтобы чокнуться. Если было что-то более странное чем напиваться с Дубровским, то это напиваться с ним в огромном пустом особняке, как будто на настоящем романтическом свидании. Для полноты сюр не хватало только того, как Ден подходит, берет меня на руки и несёт в спальню, на огромную кровать, усыпанную розовыми лепестками.

Тут он в самом деле встал, распрямив свои метр девяносто. Огляделся, затем взял с каминной полки пульт и что-то на нем щёлкнул. Свет тут же погас, зато вспыхнули гирлянды, которыми была украшена гостиная. Елки здесь не было, только какие-то вычурные, явно дизайнерские игрушки, свисавшие с потолка на лентах. Ден повозился немного и разжег самый настоящий камин, такой же нереальный, как сам одnogруппник в его оранжево-желтых бликах. А после он долил мне то самое коричневое и подозрительное, точно опо-

знать которое мне мешало беспросветное дилетантство в области коричневых напитков не из кофейного автомата.

– За удачную сдачу сессии! – предложил он и снова сделал глоток, я же только пригубила, уже знакомая с коварством напитка.

– А ты меня уделала, Сорока.

После его слов я чуть не заползла под кресло от страха: столько слов разом от Дубровского я не слышала за все предшествующие годы учебы.

– Одна четверка против моих двух, – закончил он и криво улыбнулся.

Ну все, теперь он точно прикончит меня и расчленит. Или...

– А у тебя есть тайная комната? – я пискнула и вжалась в кресло. Здесь даже и не угадать, какой ответ страшнее: что она есть, или что ее нет. Во втором случае вероятность расчленения как бы выше, а в первом время перед ним пройдет гораздо страшнее. Но Денис, как и всякий порядочный миллионер, точно не терялся после вопроса о тайной комнате. Наверняка его готовили к этому. Обучали правилам поведения при встрече с серой мышью, потому как он просто встал и подал мне руку:

– Заковыристо ты о туалете, идем.

Я тайком выдохнула и поплелась следом за ним, делая вид, что не заметила протянутой руки. А по пути быстро наклонилась, чтобы забрать Надино платье, вдруг получится

застирать пятно?

Из-за широкой спины Дена ничего не было видно, да и света здесь – только из гостинной и фонарный из окон, так что дом богатеев так и остался неосмотренным. Зато санузел, площадью во всю мою комнату, впечатлил. Я даже ненадолго представила, как лежу в джакузи с бокалом шампанского и смотрю в окно, на падающий снег. Нет, к чему вранье? Я представила, как лежу в объятиях Дена, всей спиной чувствуя его грудь, как его руки скользят по моему телу, губы находят мочку уха, аккуратно захватывают, в то время как вокруг нас бурлит вода, точно шампанское в праздничных бокалах.

В общем, такой себе из меня порнорежисер. И с фантазией негусто. Была бы другая, не села бы задницей в лимонад и не тупила так сильно там, в гостиной. Конечно, первый красавчик нашего курса, настолько неприступный, что преподаватель физики сравнивал его с Марсом: все его хотят, а он никому не дается. И тут вдруг я. Глафира «Тридцать три несчастья» Сорокина, самый упертый ботан и самая серая из мышей. Дубровский, по правде, тоже ботан, но у него даже это выходило очень круто и органично. Этаким сексуальный принц ботаников, король ваших тайных фантазий.

Я продолжала вздыхать и пытаться застирать Надино платье. От мыла и воды ткань как-то подозрительно изменила цвет и начала ползти стрелками прямо под моими пальцами. Не все платье, так ткань точно неважная, но если скажу об

этом сестре, то вместо Сороки в универе будет только мое траурное фото. Вот как, как после этого можно не расплакаться? Зачем только послушала Аньку и потащилась на эту вечеринку а-ля «Только у нас новогодние корпоративы от 1500 рублей!».

– Можно? – Ден стукнул один раз, но входить не стал. Хотя чего уж, после двух сорванных платьев мистер Сексуальная Фантазия Фиры мог бы быть и понаглее.

– Я не одета, – писк вышел жалким и очень тонким. Природа для меня поскупилась на низкий, бархатистый голос, положенный всем тем, кто тоже может стать героиней чьих-то фантазий.

– Ревешь там, Сорока?

На всякий случай я замотала головой, но дверь уже открылась и в нее вошел Ден с чем-то светлым и упакованным в чехол для одежды. Дубровский все шел и шел на меня, пока не прижал к комоду. Интересно, если сейчас плюхнуться на колени, я смогу проползти у него между ног? В фильмах этот трюк здорово выходит!

– Держи, – Ден пихнул мне в руки чехол и забрал испорченное Надино платье. – Это моей мачехи, совсем новое, от крутого японского модельера. Клэр вечно гребет все подряд, потом даже не вспоминает, чем забит гардероб. Если твоей сестре не подойдет – скажи, что она зажралась. И идем, подберем тебе что-нибудь. Хотя ты и в свитере хороша, знаешь?

Вот это вряд ли. Вот это очень вряд ли.

Я на всякий случай потянула низ свитера к коленкам, другой рукой прижимая к себе платье. Возможно, Надя в самом деле удовлетворится платьем. По виду оно так точно не хуже. Если в принципе можно представить вариант, в котором мачеха Дубровского покупает платье хуже, чем то, что висит в обычном сетевом магазине на стойке «Распродажа».

Очень хотелось распевать «I Will Survive» и даже пританцовывать. Мешало только то, что за подарки всегда нужно расплачиваться, а я и так слишком долго пользуюсь хорошим настроением Дена. Сейчас он просто стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и разглядывал меня. Наверное до сих пор терзается воспоминаниями о моих бежевых, гимнастических трусах. Ну не нашла других. А эти идеально облегают и подобраны в тон.

– Идем, изнасиловать тебя можно было и раньше, – он протянул руку, будто хотел взять меня и вести за собой.

– Так там холодно и... Денечка, миленький, ну отпусти меня, а? Все-все контрольные за тебя...

– Съешь? – он изогнул брови, подошел вплотную и отобрал у меня платье. Вот. доболталась. Но «Мы живем, чтобы сдохнуть» – тоже не такая плохая песня.

Я стояла и кусала губы, не зная, что ему ответить. Всего-то одну и уничтожила, но на то были причины! Очень веские! Правда, Дену я никогда о них не скажу.

– Что же ты такая трусиха, Сорока? Правда веришь, что я тебя обижу?

Он всей своей многокилограммовой маскулинной махиной наклонился надо мной, прижал к комоду и поцеловал, прижимая к себе. Я же вначале растерялась, потом хотела высказать, что в общем-то не против, только целоваться не умею, и это даже хорошо, что он целует меня без спроса и поздно уже отматывать время назад, потому что его разочарование уже наверняка наступило.

Но он так жадно и по-хозяйски обнимал меня за талию, прижимал к себе и будто хотел выпить, осушить до самого дна, что все мысли вылетели, тем более заготовленная речь. Ну уж если сам Дубровский, наш принц, решил исполнить незатейливую пролетарскую мечту обычной студентки, то мне ли, Глафире Сорокиной, его останавливать.

В общем, если случилось в моей жизни что-то необыкновенное и чудесное, то пропуском к тому послужила не потерянная туфелька и не сбежавший кролик, а обычная бутылка лимонада, вылитая на стул. Дубровский в самом деле не обидел меня ничем, просто поцеловал пару раз, потом мы долго разговаривали, сидя у камина. Я же преимущественно пила коньяк, бестолково подхихикивала и тихо удивлялась тому, что одноклассник в принципе умеет столько говорить. Еще он приглашал на свидание, выпытывал мои планы, предлагал встречаться...

А на следующий день в институте просто поздоровался и прошел мимо...

Глава 3

После жадного казановы я больше не стала брать пассажиров, заехала в свой двор, припарковала машину так, чтобы видеть окна квартиры, вытащила термос с кофе и ждала, пока родственники лягут спать. Сил общаться с кем-то не было, а особенно – выслушивать претензии сестры за долгое отсутствие, ворчание Игоряши или крики племянниц. На которых после девяти вечера нападало натуральное бешенство. Абсолютно милые и тихие днем, к отбою племяшки превращались в секретное и особо мощное оружие чайлдфри, потому как пять минут их концерта и беготни по дому у любого отобьют желание заводить детей.

Но свет в окнах все не гас, запасы кофе иссякли, а без отопления в машине становилось все холоднее. Еще в моей комнате исчезли шторы. А я-то сижу и думаю: что не так? Надеюсь, Надя просто решила их постирать перед Новым годом.

Не просто. На пороге квартиры меня ждала гора коробок, мои справочники и учебники в пакетах для мусора и одинокий кактус сверху. Как, оказывается, много вещей хранилось в моей небольшой комнате.

– Это ч-что? – не снимая пуховик я влетела в кухню и остановилась напротив Нади.

– Мы с Игоряшей, – медленно, как умственно отсталой,

проговорила сестра, – решили на время поездки нанять бригаду рабочих, сделать ремонт в комнате и переселить туда Полину и Алину. Представь как здорово: мы отдохнем, а вернемся в уже готовое и чистое помещение. Ты же всегда жаловалась, что не высыпaeшьcя в спальне: громыхает мусоровоз и ругаются дворники. А здесь, на кухне, будет очень здорово: тихо и диван мягче.

У меня даже воздух закончился от возмущения, отчего зять насупился и сверлил меня взглядом. Сейчас еще демонстративно соберет вещи и уйдет к своей маме. Не раз, не раз я видела подобное представление. В последний – когда отказалась забирать их с приятелями из бани в три часа ночи. «Фирочка, ну что тебе стоит, ты же на машинке вжик и на месте!» – уговаривала Надя. Но я тогда отстояла свое право на сон, отстою и сейчас.

– Я еще не решила, поезду ли с вами, – голос прозвучал жалко, без должной уверенности.

– Билет уже купили, а возвращать – потеряем деньги, – припечатал Игорь. – Потрапились на тебя, оплатили номер и перелет, и всё равно не так!

– Да, Фирочка, ну что ты в самом деле? – Надя снова сложила брови домиком и с такой мольбой уставилась на меня, что все несогласие и протест разом зачихли.

Наденьку надо беречь. Наденьке нужно уступать. Наденьку нельзя расстраиывать. Мама с младенчества вбивала мне эти мысли в голову, теперь не получалось от них избавиться.

ся. У Нади в детстве были серьезные проблемы с сердцем, ее даже оперировали дважды. Первый – не совсем удачно, сестра чуть не погибла, зато потом все наладилось и Надю даже сняли с учета у кардиолога. Но страх потерять старшую дочь навсегда въелся в подкорку мамы, а потом перешел ко мне. Сами операции почти не помню, была совсем маленькой, зато росла в постоянном страхе обидеть или расстроить сестру, которая может умереть от сильных эмоций.

Кажется, она знала об этом и самую малость пользовалась. Или не малость. Слезинки-то дрожат почти натурально и точно так, как в торговом центре. Но я слишком устала за сегодня, чтобы вестись на провокации.

– Наймите няню для поездки, – выпалила я и сразу втянула голову в плечи. Игорь растерялся от столь вопиющего неповиновения, поэтому можно было продолжить: – буду работать все праздники, не до отдыха. И вещи завтра тоже верну в комнату, ремонт пока не планирую: через пару месяцев мне привезут щенка, он все равно будет грызть мебель и писаться, вот подрастет, тогда и подумаю о смене ламината и поклейке обоев. Возможно, переставлю кровать по фэншую, в зону любви...

– Собаку? – Игорь медленно встал, затем бросил тарелку в мойку, расколол стекло, и направился к выходу. – Я не буду жить в одном доме с псиной!

Хотелось сказать, что и мне боязно оставлять щенка с людьми, которые вытащили вещи из комнаты, не спросила

на то разрешения, но промолчала. Как и о том, что если бы знала о такой собакобоязни, давно бы уже притащила домой первого попавшегося щенка. Вряд ли в мире есть собака, способная уходить от моей сестры к маме и грозить разводом. Или напиваться ночами в бане и просить забрать ее, потому как вызвать такси не позволяет жадность.

Надя бросилась за мужем, который нарочито медленно одевался, Полина услышала про собаку и визжала от радости, Алина визжала просто так, в силу полугодовалого возраста мало понимая в собаках, зато много – в веселье. Соседка снизу сразу же заколотила по батарее, сверху решили под шумок просверлить пару отверстий в неположенное время, а Надин кот демонстративно разгреб наполнитель по всему коридору, после чего страшно довольный направился в гостиную.

Пожалуй, было что-то в предложении Доктора Всё: один молчаливый Денис точно не сможет производить столько шума.

Я чувствовала себя дико виноватой, хотя понимала, что вроде как не за что. Злилась на себя, на Надю и Игоря, и от этого грызла себя ещё больше. Какая-то рохля! Неужели нельзя было четко и однозначно дать понять сестре, что им давно пора съезжать? И уж точно не по-родственному высылать меня на кухонный диван-малютку. Я взрослый человек, нуждаюсь в уединении и двери! Желательно в той, которая разделяет лестничную площадку и квартиру, а не просто

мою комнату. А если я решу привести кого-то в гости? Не то чтобы у меня кто-то был, не то чтобы я рвалась привести парня в квартиру, где живу с толпой родственников, но не хочу совсем лишаться такой возможности.

Хотя какие там парни, я, как оказалось, даже собаку привести не могу. У Нади, между прочим, была своя квартира, однокомнатная, но в новом районе, а не двушка в пятиэтажке, как у меня. В свое время мама продала их с папой трешку, дачу, оставшийся от бабушки домик и купила три небольших квартиры: себе и дочерям. После свадьбы Надя с Игоряшей решили избавиться от жилплощади и начать строительство дома. В их мечтах тот возводился за полтора года, которые молодые планировали жить у родителей. Но с тех пор прошло уже больше семи, а дом ненамного ушел от состояния коробка с крышей. Распланированная махина на двести с лишним квадратов тянула все больше денег, начинала постепенно рушиться. Даже риелтор покрутил носом и заявил, что в продажу она уйдет по цене чуть большей, чем голый участок.

Мама Игоряши невестку с внуками не слишком жаловала, наша – внезапно вышла замуж, и жить сестре оказалось негде, потому как плата за съемное жилье еще сильнее замедляла стройку. На их с Игоряшей счастье как раз в тот момент я решила покорять север с его огромными заработками и суровой природой. Надя уговорила меня сдать им квартиру на время командировки, это же так удобно: им скидка, мне

– пригляженное жилье и прибавка к зарплате. Я вернулась спустя три месяца с тяжелой пневмонией, без особенных денег и с мыслью больше не приближаться к полярному кругу.

Надя просилась пожить со мной ещё немного, буквально месяц, дальше они проведут в дом отопление, сделают жилыми пару комнат и оставят мою квартиру. Но время шло, а сестра с мужем все прочнее укреплялись на чужих квадратных метрах. Я пыталась намекнуть, что пора бы расстаться, но надежда быть понятой таяла с каждым днем. Постепенно Игорь начал считать гостьей меня, о чем постоянно напоминал. Вот как сегодня.

Они с Надей громко ругались в коридоре. Игорь требовал уговорить меня, образумить и наставить на путь истинный. Надя рыдала. Кот с любопытством следил за ними, прильнул к полу и притопывая задними ногами, секунда – и бросится на кого-нибудь из спорщиков. После Игорь крикнул, что пока я живу в этой квартире, ноги его здесь не будет и хлопнул дверью.

«Подожди, ты забыл жену и детей! Ну забери хотя бы кота!» – хотелось крикнуть вслед, но я промолчала, отмахиваясь краем шарфа. А что? Игорь и Алехандро были самыми прожорливыми, а значит и затратными членами семьи. Без них наших с Надей зарплат хватит, чтобы содержать девочек.

Сестра все захлебывалась рыданиями, а я не решалась выйти из кухни, зато стащила пуховик. Надо пересидеть пару минут, потом Надя успокоится и пойдет звонить маме. А

пока можно сделать себе бутерброд.

– Фира-а-а! – на последнем звуке мои хлеб и ветчина полетели на пол, к радости Хандры, как звала кота Полина.

– Фира, ты шляешься по мужикам, поэтому нарочно довела Игоряшу! – продолжала вопить сестра, покрывшаяся от гнева красными пятнами. – Профурсетка!

– Настаиваю на суфражистке! Если уж мы решили использовать анахронизмы, – пискнула я и попыталась прикрыться руками. Тонкая водолазка отчетливо очертила ничем не удерживаемую грудь. Значит, вот от чего понесло Надю.

Но я взрослая девочка, имею право приходить в собственную квартиру в таком виде, в каком захочу. И совсем не виновата, что Игоряша – неуравновешенный маменькин сынок, который мою квартиру любит много сильнее, чем Наденьку. Сестра этого не замечала, поэтому накричала на меня, хлопнула дверью так, что задрожали стекла, а кот от испуга забился под кухонный гарнитур, и ушла громко рыдать в гостиную. У меня же руки мелко тряслись и очень хотелось горячего какао, но сил на приготовление не осталось.

Надо было сразу после возвращения с севера распрощаться с родней, не дать им пустить корни на моих квадратных мертах. А теперь поздно. Но если так и не решусь на серьезный разговор – однажды мои вещи окажутся не в коридоре, а на улице.

– Фира, – Полина села рядом и подвинула ко мне тарелку, – держи, это тебе.

На белоснежном фарфоре лежал здоровенный бутерброд, состоящий из неровного куска батона, втрое более толстого слоя шоколадно-ореховой пасты, разноцветного драже поверх, карамельки, ложки меда и ломтика сырокопченой колбасы. Все самое вкусное разом!

– Спасибо, солнышко! – я откусила немного и сразу потянулась к воде, чтобы запить невозможную сладость.

– Пожалуйста. Ты у меня самая-самая лучшая тетя. И собака тоже будет самая-самая лучшая. Спрячем ее от папы под кроватью, это будет наш с тобой секретик.

– Хорошо, – что мне, в самом деле, остается, кроме как прятать щенка под кроватью?

– А тебе правда плохо? – Полина подсела еще ближе и погладила меня по волосам. – Мама говорила бабушке, что у тебя голова больная.

***

– Точно! Больная на голову! Шибанутая! Идиотка! – Семеныч, владелец нашего таксопарка, кричал на меня нередко, но сегодня – с особенным запалом, не давая ни малейшего шанса оправдаться. – Воровать начала, коза? А ведь знал, знал, что нельзя девку на работу брать, но нет...

И как бы я вчера ни настаивала на суфражистке, но толково отстоять право женщины на работу в такси, как и свое собственное – не выслушивать безосновательные обвинения – не получалось. В углу кабинета Семеныча, развалившись на трехномом стуле, ликовал тот самый вчерашний пассажир.

Сегодня «Казанова» пришел к моему начальнику и заявил, что я утащила у него швейцарские часы, золотые запонки и комплект женского белья, купленный жене в подарок к Новому году. Но добрый и отходчивый мужчина был согласен замять дело за триста тысяч наличными. А вот Семеныч, похоже, нет. Он орал и требовал выплатить все, а потом забирать документы и проваливать из его таксопарка, пока никто не обратился в полицию.

От жуткой несправедливости и обиды я расплакалась, выскочила из кабинета, пронеслась по коридору и спустилась в гараж. Спряталась там за микроавтобус, чтобы в тишине и покое привести себя в порядок и успокоиться.

– А Фирку-то уволят, – раздался голос одного из коллег. Меня он не видел, зато кости перемывал с удовольствием. – Слышал, у мужика какого-то золотишко и лифон увела.

– Да перегибает Семеныч, не стала бы Фирка воровать. Он давно ее уволить хотел, да повода не было.

– Наконец-то! Семеныч перестанет попрекать, мол, глядите какая у нас Фира: всегда трезвая, аккуратная, чистенькая и работает, что долбаный китаец.

– Это точно. Пора ей мужичка найти и свалить отсюда. Мне жена всю кровь выпила, подозревает в том, что обжигаюсь тут с Сорокиной! Не докажешь же, что Фирка, как селёдка мороженная.

Значит, одного жена запилила, второй просто завидует моему умению не пить перед работой, поэтому так радуют-

ся грядущему увольнению? За что? Почему так? Я старалась хорошо работать, никогда не отказывалась поменяться сменами или прикрыть отсутствие перед начальством.

– И уйду! – суффражистка, на которой я вчера так настаивала, столкнула меня с горы покрывшей и заставила выскочить прямо на коллег. Мужчины опешили и отшатнулись от меня. Но пора и закрепить успех. – Найду мужика, работу и с гордо поднятым подбородком унесусь в светлое будущее, а вы останетесь здесь. В сумрачном настоящем, где любой прошедший день лучше грядущего, а нынешний хуже вчерашнего! Открою коробку Шредингера и точно узнаю, жив ли кот!

После поплотнее запахнула куртку, подбросила на руке ключи от машины и удалилась, под едва слышное: «Прибухнула, видать, с горя».

Так как ничего, кроме криков, от Семеныча я не слышала, то посчитала, что мне выдали выходной. Для сбора денег и оставшегося самоуважения.

Первое вроде было, из отложенного на покупку щенка, а недостающее можно и в кредит взять. Хотя нет! Не буду ничего отдавать. Из таксопарка уволюсь, раз уж всем здесь так мешаю, а с мнимой кражей пусть полиция разбирается.

Окрылённая собственными мыслями, я подошла к машине и замерла. Кто-то проколол все шины. И тут же зазвонил телефон, пугающе мигнув фотографией Нади.

– Фира-а-а, – вопила она, – я умираю! Не забудь забрать

Полину из садика и отвезти на танцы. А ещё Алину нужно к одиннадцати в больницу, на прививку, лучше приехать пораньше, потому как в два у нее занятия в развивающем центре...

Я не самый большой специалист по умирающим, но, думаю, они не так сильно пекутся о развивающих занятиях для ребенка, который ещё и горшок не освоил. Но Наденьку не переспорить. Тем более, когда она умирает. Все эти прививки, кружки, шины, работа – голова кругом.

– Я не могу! – сама не знаю, как это вырвалось, но раз Наденька замолчала, нужно давить дальше. – Очень много дел.

И сбросила вызов, сама ошалев от собственной дерзости. Пока Надя не успела перезвонить, выключила телефон, вынула из него аккумулятор и спрятала все по отдельности в сумку. Та, как назло, распахнулась, вываливая содержимое на снег. И сверху – тот самый сертификат на услуги Доктора Всё, как знак, вот оно, дно, Сорока. И снизу не стучат, потому как некому.

Но я же сильная и независимая женщина из двадцать первого века и могу сама разобраться с проблемами, без всяких там Докторов!

– Сорокин-на-а! – завопил Семеныч.

И вместо того, чтобы гордо выйти вперёд, озвучить, что думаю о начальниках-мизогинах, мстительных пассажирах и проблемах переработки мусора, – да, не к месту, но вы-

сказать давно хочется! — заодно и о том, что кто-то тоже может написать заявление в полицию по поводу шин, я позорно пригнулась, прячась за машину, сгребла все выпавшее из сумки, а после перебежками добралась до калитки и покинула территорию таксопарка.

Вот она, сильная и независимая женщина! Записывайтесь к ней на курсы самостоятельности и решительных действий. Рекомендуйте друзьям и соседям, пишите в соцсетях. Глафира Сорокина — ваш личный проводник в мир неудач, неправильных решений и бесхребетности.

Глава 4

Кажется, администратор в центре Доктора Всё была обо мне не лучшего мнения. Она молча протянула чашку чая и влажную салфетку в индивидуальной упаковке. Как намек: если не сможешь очистить свою жизнь и лицо – лучше заткни этой штукой сливное отверстие и утопись в раковине.

До такого я бы и сама додумалась, без дорогуших курсов у непонятных коучей, поэтому гордо расправила плечи, повесила свой пуховик, такой неуместно *простой* в дорогушем интерьере, что стало немного стыдно. Как могла прикрыла его шарфом и шапкой, а после неуверенно пошла вверх по лестнице, к кабинету Доктора.

Мистер «Сделаю вам идеальную попу и жизнь» сидел в своем кресле и ел банан.

– Ну как ваше дно? – улыбнулся он и подвинул ко мне корзину с фруктами. – Наконец-то осознали свои проблемы и важность профессиональной помощи?

– Да я просто мимо шла и реш...

На самом деле – да, хотела узнать, смогу ли получить немного денег, если откажусь от услуг по сертификату. Все-таки остаться перед праздниками без работы – не самое приятное происшествие. Точнее – без работы и с четырьмя проколотыми шинами.

– ... решила спросить, что делать, если ты унылая рохля,

о которую все вытирают ноги? Не для себя, конечно, для по-други.

– Я не унылая!

Да кого ни спроси, все знают о моем искрометном чувстве юмора, легком, покладистом нраве и прочих достоинствах. И отпор давать умею! Ситуация с Надей не в счет. И с Семейным. И с вчерашним пассажиром. И с маминым подарком.

Глупо ведь как получилось: шла себе по торговому центру, ни о чем не думала, как наперерез бросился Дед Мороз с выбеленной козлиной бородкой и со словами: «Это то, что вам нужно для счастливой встречи нового года» всучил листовку. Толпа быстро развела нас, поэтому скомканный лист сгинул в недрах сумки.

Что нужно для счастливой встречи нового года? Шампанское? Бенгальские огни? Промокод на доставку готовой еды? Ортопедический матрас?

Лень даже было смотреть на эту ерунду. Развернула лист только в машине и сразу же забросила в бардачок. «Доктор Всё поможет вам разобраться с психологическими проблемами и обрести полное и всеобъемлющее счастье». После эта бумажка, будто заколдованная, попала на глаза маме, она подговорила отчима досрочно поздравить меня с наступающими праздниками сертификатом на счастье. Который я все еще надеялась обменять на деньги.

– Фира, не верю в такое быстрое исцеление, лучше съешьте банан, – Док указал на вазу. – Давайте. Властно хватайте

его прямо за кожуру и вгрызайтесь в сочную мякоть.

– Не хочу. И я пришла забрать деньги за свой сертификат. По факту услуги не оказаны, поэтому имею право на частичную компенсацию.

– А вы счастливы?

– Еще нет, но деньги сделают меня чуть ближе к этому состоянию.

– Я подумаю над этим, когда съедите банан. Ну же!

– Не хоч...

– Живо ешь банан, Фира!

Руки сами собой схватили фрукт, очистили его и запихнули в рот. Я жевала и с трудом сдерживала слезы. Док же сложил ладони и подул в получившийся «домик», разглядывая меня, как подопытную мышь. Кстати, в его послужном списке не было диплома психолога, только старец, далай-лама, маршрутка и «Яблочко». Поэтому и методы такие странные: слушай оскорбления, сдайся в рабство, съешь залежавшийся товар.

– Зачем? – я уже давилась бананом. Он будто склеивал зубы и не проталкивался дальше по пищеводу. Обычный же, но под взглядом Доктора трансформировался в самозатвердевающую массу.

– Никогда нельзя недооценивать силу фруктов, Фира! В них много полезных веществ. И однажды я спас девушку, просто съев банан!

Ну да, чуть проще, чем отправить кого-то в рабство, но

это события из одного логического ряда. Доктор прочитал что-то такое в моих глазах, поэтому откинулся назад, повернулся полубоком вместе с креслом и мечтательно уставился в потолок.

– Два или три года назад я прогуливался по городу, гулял по сторонам, размышлял о вечном, торопился доставить пищу за тридцать минут, иначе ее не оплатят, ну и всякое такое. И вот заметил очень грустную девушку на летней веранде кафе. Перед ней стояла тарелка с салатом из шпината и банан. Зеленое и желтое, безвкусное и чуть сладкое. Вегетарианское и вегетарианское. Сложнейший выбор, сложнейший. Девушка уже почти плакала, добавляя соли в салат, потому как не могла выбрать, что же ей съесть на завтрак, чтобы не растолстеть до сорок второго размера. Она молитвенно сложила руки и глядела то на тарелки, то на небеса.

– Так банан же можно и с собой забрать, – а свой я все же отложила, пока Доктор отвлекся.

– Потрясающее здравомыслие для человека, который хочет свернуть с пути истинного счастья ради каких-то денег! Не отвлекай меня! Так вот. Банан и шпинат. Шпинат и банан. Девушка была уже на грани отчаяния, когда я подошел, взял банан и съел его! Девушка подскочила, начала орать, звать охрану и полностью проигнорировала акт своего спасения. Ну что, уловила мораль истории?

– Не есть на открытых верандах кафе? – да, слишком очевидно и поверхностно, но большего я придумать не могла.

Какой-то бред! Очевидно, старец Иоанн все же разок задел Доктора обухом того самого топора.

– Нет, Фира, все намного глубже и сложнее. Но тебе только предстоит это понять. А также то, как правильно вычислить властного негодяя, который портит вам жизнь.

– Это же Денис, мы еще в прошлый раз выяснили, – напомнила я.

– Настоящий учитель не дает правильных ответов. Только подталкивает ученика к их поиску! И тогда мы искали не властного негодяя, а того, кто поможет исцелиться вам от подступающего стародевия.

– Нет такой болезни!

– Зато колготочки с семью сотнями ден у тебя уже есть! А это симптом третьей фазы.

Отлично, просто отлично. Значит, по его мнению, я не только подвержена этому «стародевию», так еще и перемахнула первые две фазы. На четвертой у меня должны самозавестись сорок котов и собак. В памяти сразу же всплыло фото моего будущего «коржика» и недавно вспыхнувшее желание подобрать серенького котенка, который так умильно смотрел на меня желтыми глазками, мяукал, топорщил шерстку и просился на руки, пока хозяйка не схватила его и не отчитала за привычку выбегать из квартиры и нестись на улицу.

– Когда пациент в таком состоянии, я решительно отказываю ему в разрыве контракта, тем более первые два испы-

тания ты провалила. Кстати, «Глафира» – отличное имя, такое, с претензией.

– На что?

– На то, что его обладательница будет полно и всеобъемлюще счастлива, конечно!

Он широко улыбнулся, сверкнув такими идеальными, словно все лежали под дорогими «голливудскими» коронками, зубами. В клыке справа даже блеснул крохотный драгоценный камешек. Невозможно, просто ирреально красивый мужчина. Моделью или киноактером он бы зарабатывал намного больше, чем коучем.

– Взгляд! Взгляд! Знаю его! – Доктор указал на меня, затем резко щекнул пальцами. – Нельзя навешивать ярлыки, не ознакомившись с внутренним содержанием, Фира! Поверь, я на своем месте.

– Меня называли в честь кошки. Она умерла на второй день после моего рождения: неудачно выпала из окна. Сестра ужасно плакала и упросила маму и папу записать меня «Фирой». Так что это имя без претензий. Оно принадлежало самой неудачливой кошке и перешло самому неудачливому человеку. Поэтому отдайте мне деньги за сертификат! Хотя бы часть.

– Никогда, – бросил он и потащил меня в другой угол кабинета, к мягкому дивану и аквариуму с рыбками. – Тебе конец без моего курса. Это как отпустить пациента с ножом в сердце полить дома кактусы! Позволить назвать ребенка в

честь умершей кошки – к такой семье у меня немало вопросов.

Мягкая спинка и сидение обволокли меня со всех сторон, помогли согреться и немного успокоиться, собраться с силами и решительно потребовать свои деньги.

– Это не самая моя большая проблема...

– Конечно! – согласился Доктор даже чересчур поспешно, а после поплотнее упаковал меня в диван, задействовав подушки, плед и пуфик под ноги. – Тебя ведь могли назвать Муркой, Барсиком или Ахтыжзаразой. Кошку моего брата зовут именно так.

Затем Доктор резко отсел от меня и потер переносицу.

– Братик мой, брат! Братюнюшка, братан, брательник! Какой же он прекрасный человек, хотя так и не вернул спиннинг после зимней рыбалки семнадцатого года.

– Вот видите, и у вас есть проблемы с семьей. Никто не живет стопроцентно счастливо. Зато деньги могут решить часть проблем...

– Твоих – нет. Только моя методика! Но если до Нового года ты не почувствуешь улучшения и стремительно приближающегося счастья – так уж и быть, верну часть платы за сертификат. Заодно куплю чулки с широкой кружевной резинкой по краю. Спорим, в таких ни один Дубровский не останется к тебе равнодушным?

– Мне не нуж...

– Оп-па! Я их уже купил. И уже сделал первый шаг к тво-

ему исцелению! – Доктор снова не дал мне договорить: подсел ближе и вытащил из кармана аккуратно свернутые чулки. Очень черные, очень сетчатые и очень кружевные по краю. Такие не наденешь, если планируешь выйти из дома. Тем более не наденешь при Дубровском. Понятия не имею, зачем мне такие могут пригодиться. Отдать маме отчима под сушку лука? Она как-то просила.

Но Доктор, кажется, всю практикувал пронзание разума, потому как закатил глаза, а чулки запихнул в мой рюкзачок, как раз в отдел с инструментами. Капрон, жвачка, пасатижи – вот все, что нужно сильной и независимой женщине из двадцать первого века. А еще умение добиваться своего и твердо говорить «нет».

– Денис может и не согласиться, – попробовала я зайти с другой стороны.

– А мы ему сейчас позвоним. У тебя же есть номер?

Конечно нет. Зачем бы мне эти цифры? Кроме трех провалившихся свиданий, с Дубровским мы не общались. Но Док не сдавался: вышел из кабинета, долго ругался с кем-то под дверью и нервно расхаживал по приемной. Я пока усеялась поудобнее, прикрыла глаза и задремала. Все же ночь тяжелая, диван у Дока удобный, а бурная трудовая молодость приучила меня спать и в любых условиях. Снился почему-то Ден в костюме султана, выбирающий себе наложницу на невольничьем рынке. И я, в качестве товара. Дубровский подошёл, скривился, после прошел мимо.

– Все, я договорился, – Доктор за руку оттащил меня от воображаемого Дубровского и вполне реального дивана. – Ради скорейшего наступления твоего полного и всеобъемлющего счастья, Денис согласился прервать свою командировку в Норильск и уже летит сюда! Прочь от полярного круга, снегов и суровых людей, поближе к знойной блондиночке с длинными ножками! Он ждёт тебя завтра к восьми, надо успеть сделать из имеющегося материала ту самую знойную блондинку, ради которой стоило лететь из Норильска. Согласись, неудобно выйдет: несколько часов трясучки и нечто с секущимися кончиками и неровным пробором.

Вообще-то я и не собиралась никого выдергивать из Норильска, поэтому и пробор не идеальный, но Док не дал и слова сказать: сразу же схватил за руку и потащил за собой.

– Я не согласна! – пискнула я уже не выходя. – Категорически! Что за глупость – лечиться рабством? Ни за что и никогда я не отдам власть над собой постороннему человеку. Это жутко! Он сможет делать со мной все, что угодно!

– Вот именно, Фира! Вот именно! Но во время моего курса лечения тебе не о чем беспокоиться: мы составим четкий договор, в котором по пунктам пропишем все допустимые действия со стороны Дубровского. А рядом с вами постоянно будут Тамати и Блади Фалькон.

– Звучит как название туалетной воды.

Док только вздохнул, не разделяя мой скепсис, широко распахнул дверь в приемную и указал рукой на ждущих там

мужчин. Один – тощий и невысокий, с длинным носом и маленькими глазами, которые почти скрывала натянутая на лоб вязаная шапка. Неприятный и отталкивающий тип, у такого наверняка в квартире спрятан склад оружия и фикус.

Второй же – здоровенный татуированный индеец. Он тут же подпрыгнул, крикнул нечто похожее на «Ха!» и, притопывая и хлопая себя по коленям, двинулся на меня.

– Спокойно, Тамати, это Фира, – Доктор грудью встал на мою защиту, чем сразу заработал себе порцию эманаций признательности, но дальше все перечеркнуло. – Она хорошая. Только ест бумагу, носит отвратительные колготы и в целом унылая тряпка. Да, Дубровский рассказал мне про контрольную.

– Пациент? – произнес Тамати по-английски. И, дождавшись кивка от Дока, похлопал меня по плечу. – Не надо бояться, маленькая женщина, мы с Соколом не дадим тебя в обиду!

– Да, лихие парни, – Док кивнул им, после обнял меня за плечи и притянул к себе. – Выкупил их в одной южноафриканской тюрьме за ящик виски. Потом мы долго скрывались от властей в джунглях, ели муравьев, пили воду из мутных рек, отбивались от крокодилов...

Кровавый Сокол вытащил из кармана какую-то проволоку, свернутую кольцом, запихнул себе в рот и задумчиво пожевал. Надеюсь, это не чека от гранаты. От такого странного типа всего можно ждать.

– Не обращай внимания, Блади сегодня ещё не убивал, поэтому слегка не в духе. Осталось только поставить одну подпись вот здесь, – Доктор вытащил из внутреннего кармана свернутый лист бумаги и ручку и подпихнул мне.

– Не буду подпис...

Проволока отлетела в сторону с такой скоростью, что захотелось спрятаться под стол, как от настоящей чеки. Сокол тоже вскочил и закричал на меня по-французски, эмоционально размахивая руками. Тамати занервничал, зачем-то топнул снова, а Док вложил в мои пальцы ручку и почти заставил подписать договор на прохождение его курса.

Глава 5

На следующий день ровно в семь пятьдесят девять мы с Доктором Всё уже ждали под дверью Дубровского. Элитная многоэтажка, въезд во двор перегорожен шлагбаумом, домофон за малым сетчатку не сканирует, а лифтов внутри даже два: грузовой и обычный. В моей пятиэтажке не было ни одного, как ещё один намек на разницу между мной и Дубровским.

– Где блеск для губ? – шепотом поинтересовался Док, когда после третьего звонка нам так никто и не открыл.

– Не люблю его, волосы липнут.

Семи часов вчерашних пыток красотой мне хватило с избытком, поэтому продолжать марафон и сегодня я не собиралась. И так пришлось вынести визит парикмахера, который частично выстриг, частично выдрал мои волосы плойкой, отчего они казались непривычно легкими. Жутковатое ощущение, но когда я робко поинтересовалась у этого экзекutora с ножницами, смогу ли завязывать хвост, он пригрозил, что сделает ассиметричное каре с выбритым полосами левым виском, если еще раз вслух о таком подумаю.

– У нормальных женщин ничего никуда не липнет. Просто фу-фу-фу иметь такие бледные и тусклые губы. Быстро подкрась!

– Просто фу-фу-фу волосатые губы и полосы из розового

блеска по лицу.

С видом: «пускай тело мое поработано контрактом, но дух свободен», я задрала нос и засунула руки в карманы. Доктор же покачал головой, после чего сам вытащил тюбик из кармана и почти ровно накрасил мои губы.

И привлеченный их сиянием и потрясающим цветом, как будто только этого и ждал, дверь открыл сам Денис «Принц всего курса» Дубровский. Сонный, лохматый в самых настоящих семейных трусах. Клетчатых, очень широких и длинных. Он потер глаза, зевнул, после просиял и обнял меня, затаскивая в квартиру.

– Сорока! Етить ты похорошела! Проходи, давай по кофеевскому хлопнем за встречу. И Доктора своего бери.

«Етить», «кофеевский» и семейники настолько сильно не вязались с тем Дубровским, который учился со мной на одном курсе, что становилось не по себе. Внешне – тот же самый человек, пусть и по-утреннему помятый, а вот движения, жесты, привычки – совсем другие. Или это так кажется? Я никогда не видела Дубровского в домашней обстановке, только в стенах университета, а вдруг за его пределами он вот такой? Носит семейники, чешет затылок и угощает гостей кофе «три в одном», пакетики которого спрятаны в керамическую банку с надписью «Гречка». Причем, судя по посыпавшейся на стол крупе, спрятаны надежно.

А еще Ден включил музыку, негромко, чисто для фона, но при первых же аккордах я чуть не выронила кружку. Это был

рэп. Самодеятельный, кого-то из местных исполнителей. И это тот самый Дубровский, который водил меня в оперу? Надо же так качественно притворяться! Доктор тоже внимательно следил за действиями Дениса и задумчиво помещивал кофе.

– Значит, вы согласны взять на себя заботу о счастье Фирры сроком ровно на месяц? Помните, насилие строго под запретом, в остальном же можете считать ее своей крепостной крестьянкой.

– Ну такое себе счастье – лишиться свободы! Слышь, Сорочка, че тебя понесло в такие-то дали? Родня хотя бы в курсе? На секту какую-то похоже.

– Это они меня туда и отправили, – я вздохнула и украдкой взглянула на Дена. Ладони сразу же вспотели, а сердце заколотилось так, что стало дурно. Больше полутора лет я надеялась встретиться с ним случайно, а когда встретилась – чувствую какое-то разочарование, как ребенок, который под елкой нашел не то, что загадывал.

«...Мы не ждем подарков от Деда Мороза, чахлые бархатцы заменяют нам розы...» – начитывал голос из динамиков.

– Сталь не куют теплотой и любовью! – сразу же возразил Док. – Для ее рождения нужна жесткость. Так и Фире для выздоровления нужны твердая рука, надежное плечо и условия для пробуждения внутренней силы.

«... а на нашем районе детишки голубей порохом кормят...»

Кажется, условий для ее пробуждения будет более чем достаточно. Даже если погибать лучше с музыкой, то почему именно с такой?

«... не сори здесь деньгами и цацками не тряси! С вами были Джей Эм Фастер и Барак Би!»

Я тихонько потеряла правый висок, внезапно вспыхнувший болью. Ну как так можно: полтора года сожалеть о том, что больше не увижу Дена, а при встрече мечтать побыстрее расстаться? Не выдержу месяц в компании этого Фастера и ядреного, самого дешевого растворимого кофе, который скрипел заменителем сахара на зубах.

– Не дрейфь, Сорока! – Ден хлопнул меня по плечу. – Нам с тобой всего-то ничего продержаться нужно, потом все наладится!

– Тридцать дней, – напомнила я.

– Протянем!

Излучавший оптимизм Дубровский еще раз хлопнул меня по плечу, после ушел вместе с Доком в гостиную, обсуждать детали контракта, а мне, как крепостной, приказал вымыть чашки, а упаковку кофе немедленно выбросить в мусоропровод. Да, уже всеми клеточками организма чувствую приближающееся счастье.

– ... и скоро праздник! Никак нельзя ходить ненакрашенной! – неугомонная Анька утащила меня на галерку и «нарисовала лицо». Не больно то и хотелось, особенно после ночной смены, но переубедить подругу невозможно. По ее мне-

нию, День всех влюбленных создан для счастья, и каждый найдет свою пару ради такого случая.

— Иначе никто на свидание не пригласит! — подытожила Анька.

— Кому я нужна? — в зеркале отразилась непривычно хорошенькая девушка, с длинными пушистыми ресницами и чувственными губами. Даже румянец на щеках сиял очень естественно, как след от легкого мороза. Аньке нужно было визажистом становиться, а не специалистом по автоматизации производства.

— Неважно. Важно то, что теперь ты на семьдесят два процента готова к свиданию!

— А где еще двадцать восемь?

Подруга округлила глаза и покачала головой, намекая, что не владеет настолько могущественной магией, чтобы сделать Фиру Сорокину готовой к свиданию хотя бы на девяносто процентов. Но и семьдесят два внезапно сработали: ко мне подошел Дубровский, взял за руку и повел за собой прочь из аудитории. Я с мольбой посмотрела на Аньку, но та только показала два поднятых больших пальца и широко улыбнулась.

Ден дотацил меня до какого-то темного угла коридора, затем впихнул в руки два билета на оперу «Кармен».

— Сходим?

Я смотрела на него и не могла подобрать достойный ответ. На самом деле всегда мечтала сходить в оперу, приоб-

щиться к искусству, доказать всем, что вот я, Фира Со- рокина, точно не буду спать и бегать в буфет. Если в опе- ре есть буфет, конечно. И вот теперь пожалуйста, моя мечта почти сбылась. Но почему посредством Дубровского? Почему не каким-то способом попроще? Это же как первой машиной купить «Бугатти», хотя можешь позволить себе только «Калину».

– С меня платье, шуба, туфли и все остальное, чтобы ты чувствовала себя комфортно, согласна?

– Конечно! – ответила за меня Анька, выхватила билеты у Дена и торжественно заявила, что я буду готова к семи.

После она долго несла всякую чушь о том, что Дубров- ский на меня запал, а такой шанс упускать нельзя. Звуча- ло как сюжет для какого-нибудь романа в мягком перепле- те: «Университетская Золушка: любовь и логарифмы», а не нечто возможное в реальной жизни. Где я, а где Дубровский?

Он в самом деле привез мне набор «собери девушку в опе- ру», снова состоящий из вещей незнакомой мне Клэр. Кото- рая, если верить Денису, с радостью согласилась одолжить все это без всяких условий и залога личностью. Хотя шу- ба даже на вид была такой дорогой, что я боялась присло- нить ее близко к телу.

И несмотря на все усилия Дениса, комфортно мне не бы- ло. Собственно, остаться без платья посреди аудитории оказалось не настолько тяжело, как прийти в оперу. Это ужасное место, где только я чувствовала себя стереотип-

ной деревенской дояркой, внезапно оказавшейся среди «культурной жизни». Боялась не туда стать, не туда сесть, не так глянуть на кого-то. Неуютно чувствовала себя на наших с Денисом явно дорогих местах, не могла толком разобрать слова и происходящее на сцене, поэтому изучала строение зала и то, как в нем распределяются акустические волны. И тайком наблюдала за Дубровским, который нервничал еще сильнее. В конце концов он не выдержал и предложил уйти. Я согласилась сразу же и с таким облегчением, что Денис нахмурился еще сильнее.

– Что не так, Сорока? – впервые он заговорил уже в машине. – Почему шарахаешься?

Тысяча пропитанных обидой слов словно застряли в горле. Как можно ему объяснить, что мне было больно, когда он прошел мимо после той ночи в его доме? А сейчас вообще не понимаю, что ему нужно. Зачем эта игра?

– Да ответ ты уже! – голос он не повысил, но злость все равно чувствовалась.

– Ден, – я собралась с силами и выпалила на одном дыхании: – если ты с кем-то на меня поспорил, то не надо всего этого, правда. Я подтверждаю любые предположения, могу даже трусики подарить. У меня есть симпатичные, бирюзовые с кружевом...

– Ты вот так обо мне думаешь?

На всякий случай я вжалась в сидение, но продолжения разговора не последовало. Денис молча проводил меня до

квартиры, забрал шубу и прочие вещи, а после ушел, в самом деле прекратив какие-то попытки поговорить со мной в универе или вытащить на еще одно свидание.

А теперь оказалось, что Дубровский обожает некого Джей Эм Фастера, тайком употребляет пакетированный кофе и пельмени из супермаркета и в целом достаточно требовательный барин. В чем я легко убедилась за прошедшие трое суток.

– Любезный, кофе и тосты! – Ден только-только выбрался из душа и на ходу вытирал лицо полотенцем.

Никак не привыкну к его привычке расхаживать по квартире в одном полотенце или семейниках. Тоже мне, красавчик-модель. Но барина не выбирают, точнее выбирают, но не господина, а коуча, и если выбрала не того и подписала с ним контракт – таскай кофе, глазей на бугры тазовых костей и не смей возмущаться.

Кстати, «любезный», это я. Господин по утрам изволят играть в барина.

– Да, Денис Павлович, уже несу!

Я быстро размешала коричневую приторную бурду в чашке, спрятала пакетик, разложила красиво тосты, украсила их джемом и веточками мяты и отнесла Дену. Он небрежно бросил полотенце на пол, завалился на диван и уставился в планшет. Я же поставила поднос на журнальный столик, повесила полотенце на согнутый локоть и выпрямила спину, все как учил барин.

– Как погода там, любезный? – заговорил он.

– Метёт, – выдавила я.

Снег валил уже который день, будто природа решила одуматься и взять реванш за конец ноября, такой теплый, что больше подошел бы апрелю-марту, а не последнему месяцу осени.

– Эх, русская зима, лютая, непредсказуемая, прекрасная! Снег, сугробы, слякоть, очередь на шиномонтаж и прорванные трубы отопления, – Денис потянулся, выпил кофе и прищелкнул пальцами: – Любезный, притовь-ка мой костюм и носки. Серый, такой, в мелкую полоску.

– А галстук, Денис Павлович?

– На твой вкус. Как и запонки.

Ден сел взъерошил светлые волосы до плеч и поплелся к окну, убедиться, что «любезный» не соврал насчёт погоды, а, возможно, и поглядеть, не нужно ли откопать машину.

– Слышь, Сорока, а я не перегибаю с барством? Ты ж моя первая крепостная, опыта нет, сама понимаешь.

Он повернул ко мне голову и почесал затылок. Странно – смотрю на Дена и будто чужой человек, незнакомый. Внешность та же: высокий жилистый блондин, в меру накачанный, как и положено бывшему самбисту, симпатичный, но не приторно-слащавый, глаза серые, под цвет грозового неба, если света не хватает. Но вот мимика, привычки, жесты, любимые словечки – они другие. А иногда – те же. Пойди разберись. Или это «барство» его так портит? Не могу представить, что-

бы Ден Дубровский произнес слово «любезный», он в целом говорил крайне мало, неохотно и только по делу.

– Нет, все нормально, – я выдавила улыбку, убрала устроенный Деном беспорядок. Если уж ввязалась во всю эту историю, нужно терпеть до конца. Не спорят же с врачом по поводу выписанного лекарства? Вот и я и не буду, раз Дена мне «выписал» Доктор Всё.

– Как знаешь, я бы такого коуча послал куда подальше. А Маха, огонь моего сердца, ему бы тестикулы откусила. Однажды Леха Север положил ей пятерню на бедро, так Маха ему в бровь впилась. Кровища хлещет, Леха орет, Машуня сама в непонятках. Так всей тусней и повалили в травмпункт. Врач чуть от смеха не лопнул, сказал, что за тридцать лет не припомнит вторых таких придурков. У Лехи шрам остался, он всем загоняет, будто его медведь грызнул, – Ден осекся, будто сболтнул лишнего и быстро свернул рассказ. – Короч, достанет коуч – скинь его координаты моей богине!

Надменный и аристократичный Дубровский настолько не вязался с кусающейся Махой, что я даже головой тряхнула, прогоняя наваждение. Судить не стану, любовь зла, как и жизнь после диплома. Возможно, именно Махи ему для счастья и не хватало.

– Тогда проверь, как там мои ботинки, любезный! Извиням-с, все ради тебя, Сорока! – развел он руками. – Доктор сказал «рабство», значит будет рабство.

Еще через полчаса я уже мечтала лечиться как-нибудь

иначе. Например, двигательной активностью, выживанием в тайге, сражениями на световых мечах... Что угодно, лишь бы не слушать: «... не плачемся мы, не ковыряем в носу. Точим не семки, мы точим фрезу!». Но Ден и минуты не мог прожить без рэпа.

Ещё, как назло, стоило только поднести костюм барину, и у меня зажужжал смартфон. Вызов был от Семеныча, поэтому я его сразу же сбросила. Потом сбросила снова. И ещё раз. Денис следил за моими действиями, языком подковыривая что-то застрявшее между зубами. Потом резко смутился и почему-то расправил плечи. Надо будет тайком проверить его шею, вдруг туда присосался мозговой червь-пришелец. Ну нельзя же так качественно притворяться в универе, а за его стенами вести себя как стереотипный парень из неблагополучного района? Ему только семечек не хватает. Хотя вчера в мусорном пакете обнаружился ещё один свёрнутый и завязанный пакет, кто знает, что в нем: кожура, сигареты или упаковка от лапши быстрого приготовления?

– Парень названивает? – Денис придирчиво оглядел костюм, потом все же забрал у меня тремпель и сложил одежду на кровать.

– Бывший начальник. Недоволен, что я ушла раньше, чем он успел меня уволить.

Я отвернулась, чтобы не наблюдать за переодеванием Дена, а сама тайком разблокировала экран смартфона, чтобы прочитать гневное сообщение Семеныча, в котором он в ка-

тегорической форме требовал немедля явиться на рабочее место и разобраться с пассажиром. Тот якобы все сильнее настаивал на трехстах тысячах и всё серьезнее угрожал написать заявление в полицию. На секунду мои губы растянулись в ехидной улыбке: Семеныч так сильно хотел избавиться от надоедливой бабы, что сам дал козыри в руки обманщику. Пусть сам теперь и разбирается.

– Это чё у тебя? – Денис заглянул мне через плечо и прочитал самое последнее, матерно-угрожающее сообщение от начальника. После громко присвистнул, отобрал у меня смартфон и набрал номер Семеныча.

– Здрасти, Феофан Семенович, – пропищал он неожиданно тонким, почти девичьим голоском. – Что-то случилось?

Судя по раскатам крика, доносившимся даже до меня, случилось всего немало. Возможно, все это имело катастрофические последствия. Возможно, даже кто-то умер. Или умрет. Например, я.

– Хорошо-хорошо, скоро буду, – закончил Дубровский, сбросил вызов и вернул телефон мне, а после шумно прочистил горло.

– Думал, уже забыл все после универа, ан нет! Да лан, – видя мое смятение, Денис широко улыбнулся и поспешил утешить, – не волнуйся ты так. Мы всего-то пару раз звонили на кафедру, отпрашивались с пар, якобы ты увела нас на волонтерский сбор мусора или еще куда. Ты ж непогрешимый идеал, никто Сороку в обмане не заподозрит.

Отлично, он еще и с пар сбегал, прикрываясь мной! Скоро светлый образ Дена Дубровского окончательно рассыплется. Наверное это и хорошо, все же мы не виделись полтора года, успели измениться. У меня проблемы и Надя, у него – богиня Маха, огонь сердца и все остальное. Как-нибудь протяну этот месяц и вычеркну Дубровского из своей жизни и памяти навсегда, хоть какая-то польза от курса у Доктора.

– Собирайся, поедem восстанавливать справедливость! Исключительно вербальными и законными средствами, если повезет, – хлопнул он меня по плечу.

Глава 6

Наверное, стоило бы возразить и поехать в таксопарк самой, но противостоять напору Дубровского, который под дорогой костюм надел носки с динозаврами – не вышло. Он быстро собрался, наверное, ещё сохранил армейские привычки, схватил меня за руку и потащил в машину. Шапка от быстрой ходьбы сползала на глаза, пуховик не застегивался, а сумка осталась в квартире Дена. Но я же крепостная, и так не имею права на личные вещи и не должна выглядеть слишком хорошо, только смартфон и успела прихватить.

И барин продолжил удивлять: подвел меня к ярко-алому, явно дамскому автомобильчику и щелкнул брелком от сигнализации.

– У тебя раньше был джип, – робко напомнила я. Такая резкая смена вкусов – перебор даже для изменившегося Дена.

– Отцовский же, – пожал он плечами, будто говорил о чем-то само собой разумеющемся. – А я с недавних пор на плохом счету у папеньки, он отобрал машину, не дает карманных денег и все такое. Эту отдала Клэр, добрый, светлый человечек. Надеюсь, отец ее оставит, у него девки как смартфоны – отслужил сезон – пора покупать новый. Клэр седьмая, что ли, и, боюсь, не последняя.

Он шмыгнул носом, вытерся ладонью и забрался в салон

авто. Я же запрыгнула следом и не выдержала: придвинулась ближе и вгляделась в его лицо. У Дена был крохотный шрам на подбородке. Но линия оказалась на месте. Как такое возможно?

– А ты точно Дубровский? – все же спросила я.

– Точно, точно. Самый настоящий Дубровский, даже не сомневайся.

«Тот самый Дубровский» снова включил Джей Эм Фастера и Барака Би с их прекрасным: «Житуха загнала тебя в угол и треплет? Покажи ей класс, пусть узнает и внемлет!». Конечно, современное искусство не так просто для понимания, к нему нужно подходить имея определенный уровень подготовки, и у Дена он определенно выше моего, значит, шире спектр возможных интересов, но почему рэп?

Дубровский еще и покачивался в такт и одними губами подпевал славному дуэту. Нет, определенно нужно проверить его шею, и если там не найдется присосавшегося червя, то даже и не знаю, что могло привести к таким переменам.

Бывшие коллеги тоже не знали о моем барине, поэтому откровенно тарасились на Дубровского. Он буквально выплыл из автомобиля, на миг став похожим на себя прежнего, подержал мне дверь со словами: «Прошу, мадемуазель!», чем сразу все разрушил. Но остальные-то не знали обычного Дубровского и даже Дубровский *странный* их впечатлил. Семеныч тоже только тарасился, будто я пришла голой, а не всего-то *не одна*. Тот самый якобы ограбленный мной пасса-

жир резко побледнел и вжался в стул, когда над ним навис Ден.

– Будьте так любезны, су-у-ударь, изложить суть ваших претензий к этой прекрасной барышне, дабы мы могли разрешить возникшие недоразумения без плебейского мордобития.

– Да ты хоть знаешь, в кого кидаешься угрозами?

– Не имел чести быть представлен, но страстно того желаю.

Мужчина прочистил горло, поправил галстук и с важным видом принялся перечислять своих знакомых и место, где сейчас работает. Тепленькое такое, рядом с высоким руководством городо-, а то и краеобразующего металлургического комбината. В стенах нашего университета ходили самые разные байки о размере зарплаты счастливиц, которым повезло туда устроиться. И этот человек зажал плату за проезд? А теперь еще и гаденько мстит, обвиняя меня в похищении его вещей. Интересно, это мой отказ дать номер телефона его так травмировал или же твердые кулаки жены и тещи?

– Так, мне нужно время подумать, – Ден почесал подбородок, после полез во внутренний карман пальто и вытащил оттуда пачку белых соленых семечек. – Хотите?

Мужчина замотал головой, Семеныч как-то робко протянул руку, все еще разглядывая меня, после подвинул к себе кружку с остатками кофе и плюнул туда первую порцию ко-

журы.

Ден грыз их в два раза быстрее, цивилизованно складывая отходы на какой-то из важных документов нашего таксопарка. Я же привычно сбросила вызов от Нади, отписавшись, что нахожусь на лечении в больнице и попросила у высших сил покровительства. Хочу вернуться в свою квартиру и найти себе место хотя бы на диване. А то с этими поисками полного и всеобъемлющего счастья останусь без последних личных метров.

– Подумал? – мужчина сдался раньше всех. Неудивительно, у него же не было таких замечательных семечек. – В принципе, я согласен замять дело и за сто тысяч.

– Я не могу так быстро думать! – Ден высыпал остатки своего «антистресса» в ладонь Семеныча, отряхнул руки и достал смартфон с треснувшим экраном. – Моя богиня как-то записывала, что сайт долго не грузится, – начал объяснять он с нотками извинений в голосе, – а тут еще какой-то придурок попытался выдернуть у нее сумочку, вот Маха его и того. Тыщ.

– Что «тыщ»?

– Ну тыщ, – Дубровский говорил с таким видом, будто каждый и всякий знает, каков этот божественный «тыщ» или хоть раз лупил незадачливых грабителей по голове дорожным флагом известной марки. – До сотряса сразу. К нам еще потом полиция приходила разбираться, в нападении обвиняли. Но Маха в хорошем настроении чистый одуван, сле-

дак не поверил, что она может здорового лба с одного удара завалить.

– Надо же, всего лишь экран треснул! – с придыханием произнес Семеныч, всегда питавший слабость к неубиваемой технике.

– Вот и я думаю: если им еще раз всеч, хуже не станет. Да? – Дубровский резко дернулся в сторону моего бывшего пассажира, тот быстро отшатнулся и прикрыл голову руками. Но Ден уже вернулся в прежнюю позу и продолжил разговор как ни в чем не бывало.

– Но я же Денис Павлович Дубровский, воспитанный человек нордического характера и сторонник обдуманых действий. Значит, работаете в «Сталь-Металле», а Анатолий Лисицын ваш непосредственный начальник, он-то нам и поможет.

И дождавшись кивка от собеседника, Ден порылся в памяти смартфона и набрал чей-то номер. И чем радостнее улыбался Дубровский и веселее с кем-то болтал, тем бледнее становился мужчина, а заодно и Семеныч, одними губами спросивший у меня: «Сын того самого?». Как будто сам не догадался. Конечно, сын. Единственный и любимый, насколько знаю.

– ... Антон Васильевич, – вдруг сменил тон Денис, – а не возьмете к себе под крыло? Тут случайно узнал, что сотрудники ваши в швейцарских часах ходят, рукава рубашкам золотыми запонками закалывают и женам бельишко по пять-

десять тысяч покупают, а еще и график свободный, шляются, вон, по таксопаркам в рабочее время, клеят девиц. Тоже так хочу, чё.

Из динамика раздался самый натуральный рев, а Денис невозмутимо прикрыл динамик рукой и повернулся к «пострадавшему»:

– Там Антон Васильевич интересуется вашим именем и должностью, говорит, он тоже хочет часы, запонки и то ли вашу жену, то ли вас. Не, все же вас, – заключил Дубровский ненадолго прислонив смартфон к уху, – зато неоднократно!

Мужчина вдруг бросил портфелем в Дениса, а сам выбежал из кабинета. Наверное, надеялся успеть на рабочее место до того, как начальник вычислит потенциального богатея в своих рядах.

Семеныч приподнялся из кресла и заглянул в коридор, будто проверял, ушел ли такой проблемный посетитель, после повернулся к Денису и широко улыбнулся:

– Не думал, что у нашей Глафирушки такие друзья, очень рад знакомству, – и протянул руку.

Ден напряженно вгляделся в узор на ладонях моего начальника, затем в его глаза и скрестил руки на груди.

– Какие – такие?

– Ну... гм... такие, – на лице Семеныча отразился элемент внутренней борьбы между желанием подлизаться к самому Павлу Дубровскому и желанием подлизаться не слишком явно, чтобы Ден этого не заподозрил. А, напротив, проникся

симпатией к Семенычу. – Решительные, веселые, умеющие обращаться с техникой.

– Да, я такой! А Сорока вообще огонь! Я представляю, как вы все тут скорбите об ее уходе.

Да, наверняка уже начали скорбеть и еще несколько дней будут, возможно, забьют барана, позовут цыган, дрессированного медведя, танцовщиц, запустят фейерверки... Вот такая картина скорби разворачивалась в моей голове после услышанного тогда разговора коллег.

– Но Фира на такое местечко устроится, у-у-у! – протянул Ден. – Утешайтесь этим. Зато как гордо будет говорить в разных компаниях: я начинала свой трудовой путь в «Феофане». Такси «Феофан»: медленно, дорого, с риском для жизни.

Такое вольное прочтение нашего: «Быстро, экономно, безопасно», как-то неприятно кольнуло меня. Не знаю почему. Я-то точно всегда езжу аккуратно, не имею привычки завышать сумму за поездку по выдуманным причинам или брать вызов, когда сама нахожусь за чертой города, но таксопарк «Феофан» настолько сильно пророс в подсознание, что отрешиться от него не получалось. И какой карьерный рост обещает Денис? Таксопарк «Виктория», где предоставляют автомобили, но процент ниже?

Семеныча тоже передернуло от «медленно-дорого», но спорить с сыном самого Дубровского он не решился. Вдруг дитяtko обидится, и таксопарк «быстро, экономно, безопас-

но» переедет в небытие.

Сияющий Денис заставил Семеныча выдать все мои документы, проверил их, и только потом душевно распрощался с моим уже точно бывшим начальником.

– Теперь будем двигаться к полному и всеобъемлющему счастью? – подмигнул он, когда мы уже сидели в машине.

– Мне бы домой на денечек, родные волнуются.

– Нельзя. Док запретил. Сказал, не дословно конечно, как и всякие слабовольные пюрешечки, в первое время Фира будет тянуться обратно к своим тиранам. Подобные ей готовы терпеть любые унижения, лишь бы из зоны комфорта не перебираться в зону конфликта и самостоятельно принятых решений. А мое дело – способствовать твоему личностному росту. Станешь, как моя богиня, сразу же поедешь к родне.

Да, если я укушу Надю в бровь, а Игорю настучу по голове смартфоном – из зоны комфорта выйдут все. Навечно. Но все же богини – это идеал, к которому надо стремиться и невозможно достичь, поэтому хотелось бы разобраться с родней более цивилизованно. Вербально и в рамках закона, как говорил Ден.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.